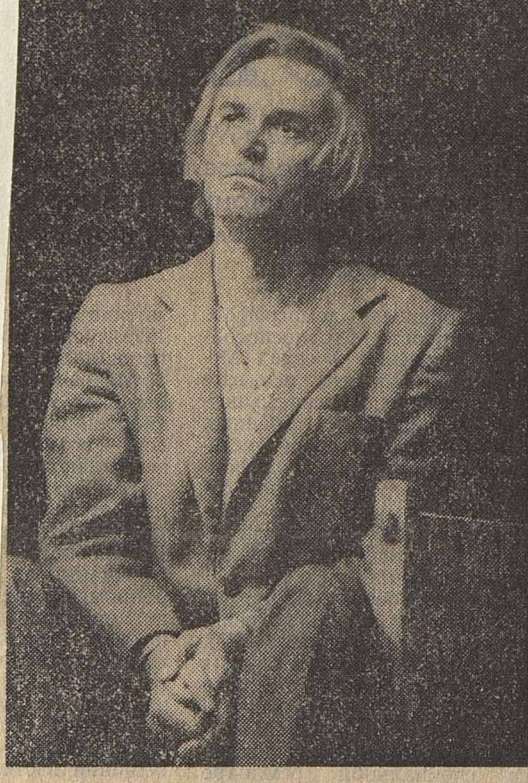

12 января 1985 г. 4

АКТЕРЫ И РОЛИ

Человек среди призраков

Он появляется, прошагав много верст, в прохудившихся башмаках, в ветхой, изношенной одежде — и все же похож скорее не на нищего, а на странствующего музыканта или паломника. Тонкие артистические пальцы, длинные седеющие волосы, живописно падающие из-под невысокой черной фетровой шляпы, явно выдавшей лучшие времена; выверенные, пластичные жесты, неизменно приветливые интонации голоса — все свидетельствует о том, что этому человеку присуще то духовное изящество, которое и лохмотьям может придать оттенок элегантности. Таким предстает перед нами Фукагава в исполнении Станислава Любшина — герой пьесы известного японского писателя Кобо Абэ «Призраки среди нас», поставленной соотечественником автора пьесы Ютаки Вадой во МХАТе. Фукагава усаживается на камень, чтобы погреться у костра, приглашает сестру рядом своего спутника. И тут-то мы узнаем, что он путешествует не один: уже много лет он ни на мгновение не расстается с... Призраком.

От Кобо Абэ, автора ряда научно-фантастических произведений, можно было ждать подобного зачина. Впрочем, вскоре выясняется, что происходящее имеет правдоподобное объяснение. Призрак Фукагавы — призрак войны. Товарищ, с которым они оказались затерянными в джунглях, погиб, сойдя с ума, и с тех пор Фукагаве кажется, что брошенный друг следует за ним по пятам.

Труднейшая эта задача для артиста — столь долгое общение с невидимым партнером. Не зря стала легендарной сцена Качалова — Ивана Карамазова с чертом. Любшин верен заветам русской сцены, утверждающей неприменную жизненность переживаний в любых «предложенных обстоятельствах». Он не подчеркивает внешние симптомы психической травмы — подобная трактовка свела бы образ к клиническому случаю, — но сосредоточивает внимание на насыщенной внутренней жизни персонажа. Общение Фукагавы с воображаемым спутником — это разговор с собственной совестью, произвольно становящийся разговором вслух. Фукагава не одинок, ибо прислушивается не только к себе, но и к голосу того, кого когда-то был не в силах убедить, чего теперь простить себе не может. Всегда следовать велениям совести, поступать согласно ее подсказке для героя Любшина означает находиться в непрестанном контакте с Призраком. И он бережливо хранит этот контакт: то просит Призрака подойти поближе; то указывает на него, словно убеждая и других, и себя, что не потерял его из виду; то решительным взмахом ладони будто хочет оградить своего друга от чужих посягательств. Но это становится все труднее и труднее...

Казалось бы, Фукагаве повезло — усталый путник нашел пристанище в зажиточном доме Сантики Оба. Более того, хозяин обещает помочь ему в исполнении заветной мечты — воскресить живые черты тех, кого унесла смерть, чтобы память была не призрачной, а предельно конкретной, ведь судьба каждого неповторима. «Звездный час» героя Любшина — сцена, когда он выкликает загробные тени, и они появляются перед его взором с такой отчетливостью, словно и мы сами их видим. Трагическая вереница безымянных солдат незримо проходит по подмосткам, открывая ужас войны. И Фукагава, рыцарски неустанно служащий тому, чтобы вернуть бытие павшим, кажется в эти мгновения прекрасным — не по-донкихотовски безумным, но по-донкихотовски благородным.

Однако для Сантики Оба призраки, как некогда для Чичикоза мертвые души, — еще один предмет спекуляции. В. Невинный — актер на редкость органичный, способный раскрыть эмоциональную жизнь персонажа так, чтобы она была видна как на ладони, играет на этот раз избыточно наделенного коварством человека, у которого добродушие — маска, скрывающая хищника, хватающего все мертвой хваткой. Фукагава стремится к тому, чтобы память сделать предельно полнокровной, чтобы, если вспомнить строчки Блока, неживое «вочеловечить», Сантики Оба все обезчеловечивает. Он затевает сущую свистопляску, в которой участвуют подобные ему призраки, лишенные нравственного ядра пустышки, мыльные пузыри — дельцы, выжиги, политики. Этот бесцеремонный хоровод все больше берет в полон Призрак Фукагавы, и тот пускается в шарлатанские затеи, морочит головы легковерным, обчищая их карманы, превращаясь в один из живых фантомов, которыми полно изображаемое японским писателем общество. Фукагава теряется перед меняющимся, начинающим его жестоко тиранить Призраком, уподобляясь жалкому простаку, на котором собирается нагреть руки всякая нечисть.

Избавление наступает неожиданно: друг, которому удалось спастись из ада джунглей, находит Фукагаву. С предельным драматизмом и сосредоточенностью играет Любшин встречу с ним. Непомерная боль пережитого обрушивается на Фукагаву, исторгая слезы, и... отпускает. Теперь он может взглянуть в лицо настоящему, не застилаемому непроглядной пеленой воспоминаний. Настоящему, которое не должно быть погребено прошлым, но и не вправе забывать о прошлом. Настоящему, в котором необходимо делать все, чтобы умопомрачительные кошмары войн не повторялись.

Ощущение ответственности за судьбу мира, защита гуманистических идеалов сблизили советских и японских художников. Мхатовский спектакль, ими созданный, пусть и не во всем равноценный, оказался характерным для тех широких и целенаправленных поисков, которые ведет театр, чуткий к самым острым вопросам современности, убежденный, что они могут быть отражены только в постоянно обновляющихся формах «жизни человеческого духа».

В. СИЛЮНАС.

● Станислав Любшин в роли Фукагавы.